

Г. И. Берестнев, А. А. Камалова

К ПРОБЛЕМЕ АКАУЗАЛЬНЫХ СЕМАНТИЧЕСКИХ СОВПАДЕНИЙ:
КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ЗНАМЕНИЙ

Поступила в редакцию 18.02.2021 г.

Рецензия от 15.03.2021 г.

22

Проблема акаузальных семантических совпадений (синхронистичности) впервые рассматривается с точки зрения знамений о войне в русской лингвокультурной традиции. Показывается семиотическая структура знамений, раскрываются модели преобразований ситуативной семантики в их означающем и означаемом. В частности, в означающем возможны символические замещения, а в означаемом – последовательности метонимических сдвигов в причинном поле войны. В целом доказывается реальность феномена синхронистичности, рассматриваемого в связи со знаменьями о войне. Знаменья о войне – это, по сути, разновидность синхронистических совпадений в объективной действительности, подвергнутых когнитивному преформатированию в субъективной сфере человеческой ментальности.

The authors study the issue of acausal semantic coincidences (synchronicity) for the first time as omens of war in the Russian linguocultural tradition. The semiotic structure of omens is shown, and models of transformations of situational semantics in their signifier and signified are revealed. In particular, symbolic substitutions are possible in the signifier, and a sequence of metonymic shifts in the causal field of war in the signified. In general, the phenomenon of synchronicity, considered in connection with the omens of war, is proved to be real. The omens of war are, in fact, a kind of synchronic coincidences in objective reality, subjected to cognitive reformation in the subjective sphere of human mentality.

Ключевые слова: синхронистичность, семиотика, метафора, метонимия, паронимазия, символ, глубинная семантика, семантические преобразования, лингвокультурология

Keywords: synchronicity, semiotics, metaphor, metonymy, paronomasia, symbol, deep semantics, semantic transformations, cultural linguistics

1. Обоснование объекта

В последние десятилетия для лингвистики, ориентированной на когнитивную проблематику, все более актуальным становится принцип экспансионизма, который непосредственно проявляется в расширении и укреплении ее междисциплинарных связей [8, с. 208–212]. Уже вполне очевиден тот факт, что для более глубокого постижения языка и познавательной сферы его носителей необходимы выходы в смежные с лингвистикой гуманитарные науки. Таким путем обогащаются и лингвистика, и взаимодействующие с ней дисциплины: взаимно

осваиваются новые проблемные сферы, расширяется категориальный инструментарий, в зонах междисциплинарного взаимодействия даже складываются новые научные направления (нейролингвистика, этнолингвистика, лингвокультурология и др.).

Особое проявление этих тенденций составляет обращение лингвистики к новым объектам, ранее не считавшимся «лингвистическими». Как отметил А.Е. Кибрик более тридцати лет назад, эти процессы имеют закономерный характер и отражают динамику изменения интересов науки о языке. «То, что считается “нелингвистикой” на одном этапе, — писал он, — включается в нее на следующем. Этот процесс лингвистической экспансии нельзя считать законченным» [7, с. 35].

В самом деле, данный процесс продолжается и в настоящее время. В объектную базу лингвистики вошли такие «экзотические» и, на первый взгляд, далекие от языка явления, как провидения и пророчества, пророческие сновидения, приметы. И рассмотрение их с позиций когнитивной лингвистики, языковой прагматики, семиотики, культурологии оказалось чрезвычайно продуктивным для постижения и глубинной природы языка, и неординарных способностей человеческой психики [3; 4; 9; 10].

К числу объектов, настоятельно требующих рассмотрения с когнитивно-языковых позиций, принадлежит выделенный К.Г. Юнгом феномен акаузальных семантических совпадений, или синхронистичности. Объясняя его сущность, К.Г. Юнг писал: «Я выбрал этот термин потому, что главным критерием мне представлялось одновременное возникновение двух событий, связанных не причинно, а по смыслу. Поэтому я использую общую концепцию синхронистичности в особом смысле совпадения во времени двух или более причинно не связанных между собой событий, которые имеют одно и то же или сходное значение. Эту концепцию не следует путать с “синхронностью”, которая просто означает одновременность протекания двух событий» [17, с. 217–218]. В качестве одного из примеров, иллюстрирующих подобные совпадения, Юнг привел случай, когда во время беседы с пациенткой, рассказывавшей ему о подаренном ей во сне золотом скарабее, в комнату залетел «...скарабейный жук, хрущ обыкновенный (*Cetonia aurata*)» [17, с. 186–187]. Его желто-зеленая окраска напоминала цвет золота.

Сам Юнг писал о трех разновидностях синхронистичных феноменов. Во-первых, это совпадение психического состояния наблюдателя с одномоментным внешним событием в реальности; во-вторых, это совпадение психического состояния наблюдателя с событием, темпорально более или менее близким ему, но осуществляющиеся в ином пространстве (таковы провидения); совпадение психического состояния наблюдателя с событием, значительно отдаленным от него во времени и принадлежащим неопределенному будущему (таковы пророчества, пророческие сновидения) [17, с. 187]. К числу феноменов подобного рода должны быть отнесены и знамения. Они отвечают общей природе синхронистических совпадений, а их глубинные познавательные начала могут быть вскрыты с позиций современной когнитивной лингвистики.

2. Общие теоретические подходы к проблеме

У слова *знамение*, имеющего высокую стиливую окраску и являющегося устаревшим, определяются два значения: «знак, символ» и «предзнаменование» [11, с. 616]. Первое значение раскрывает семиотическую структуру знамения: как и всякий знак, оно включает в себя две стороны — означающее и означаемое, план выражения и план содержания. Планом выражения знамения в самых общих условиях выступает некое событие, планом содержания — другое событие, которое рассматривается в связи с признаками «хорошо» или «плохо»

24

Устойчивое словосочетание *крестное знамение* представляет эту картину несколько иначе. Планом выражения такого знамения выступает налагаемый человеком на себя образ креста, а планом содержания — комплекс идей, в словесной форме выраженных в Символе веры. Б. А. Успенский в этой связи писал:

Действительно, положение руки на чело символизирует пребывание Бога на небе и рождение Христа от Бога-отца (ср. в Символе веры: «...иже от Отца рожденного прежде всех век»); движение вниз выражает сошествие Христа с неба на землю (ср.: «...нас ради человек и нашего ради спасения спешаго с небес и воплотившагося от Духа Свята и Марии девы вочеловечьшася»); перемещение руки вверх на правое плечо соответствует словам «и восшедшаго на небеса и сидящаго одесную Отца»; Наконец, перенесение руки справа налево означает отделение праведников от грешников на Страшном Суде (Мф. XXV, 31–46; ср.: «...и паки грядущаго со словою судити живым и мертвым»). При этом само изображение креста, разумеется, должно символизировать распятие (ср.: «...распятаго за ны при Понтийстем Пилате») [15, с. 42–43].

Второе значение слова *знамение* своей признаковой структурой отражает связь знамений вообще с семантикой темпоральности и, собственно, их нацеленность на будущее. Говоря более определенно, это значение показывает, что между означающим и означаемым знамения существует некая временная дистанция и означаемое представит себя в будущем. Это расстояние во времени между означающим и означаемым разнообразно, но не бесконечно. В частности, в крестном знамении оно практически отсутствует, а в знамениях другого рода может растягиваться до нескольких месяцев. Однако в описаниях знамений темпоральные расстояния между означающим и означаемым четко не определяются и описываются по общей модели «перед соответствующим событием». Лишь в отдельных случаях их можно восстановить по приведенным описаниям знамений и последовавших за ними событий. Ср.:

(1) Перед войной в весну появилось у нас (Смоленская область) очень много майских жуков. Возле нашего дома росли три березы, так они эти березы в одну ночь начисто объели, ни одного листочка не осталось. Так старики говорили, что это к войне¹.

¹ Пример из личного архива одного из авторов.

Все эти условия могут быть представлены в виде схематической модели $S_1 \sim S_2$, где S_1 — исходное знаковое событие (означающее), S_2 — основное событие, которое значение представляет (означаемое), а знак « \sim » символизирует темпоральное отношение между ними, векторно направленное на основное событие S_2 и описываемое общей формулой «перед S_2 ».

С этих позиций в проблему знамений может быть введено синхронистическое измерение. Благодаря ему становится очевидно, что события S_1 и S_2 должны рассматриваться как *совпадения* — то есть буквальные копии друг друга или события внешне различные, но имеющие объяснимые семантические сходства. В последнем случае S_1 составляет метафору S_2 , которая может возвышаться даже до символа [2, с. 221 — 223].

Важный вывод, который должен быть сделан в этих условиях, таков: события S_1 и S_2 в знамениях (их означающее и означаемое) коррелируют не целиком, а отдельными признаками. На выявление этих совпадающих признаков и на установление сопутствующих им познавательных механизмов должен быть нацелен когнитивный анализ знамений.

3. Содержательный анализ знамений

3.1. Существующие подходы

Важно отметить, что попытки такого анализа знамений уже предпринимались. При обращении к подобным феноменам исследователи не могли не обращать внимание на специфику их образности, дополнительные детали, исторические контексты, в которых знамения наблюдались. Таков, в частности, следующий пример:

(2) У них был старший кто-то в Малой Бобровке и вот они рассказывают такую вещь. Перед войной вдруг закричали, чтобы все выходили из домов на улицу. Все люди вышли из домов и увидели, что на небе поднялись два огненных столба и они были в виде коней — как будто два огненных коня встали на дыбы друг против друга. И вот этот старший старовер, а это было у нас, в Малой Бобровке, сказал: «Всем стоять и смотреть!» Все стояли и смотрели. Человек, который мне все это рассказывал, ему сейчас 82 года, он коммунист до сих пор и он говорит: «Мы стояли и смотрели, я это помню, как зарево было». Он пацаном тогда был. И потом этот старший им сказал: «Будет война, сильно тяжелая, трудная, но мы победим!» Войны тогда еще не было, это был то ли 1940 год. Знамение это было только в Малой Бобровке, а в соседней Бобровке этого никто не видел. И потом они все рассказывали, что у них это было... (ПМА: Т. А. Печёнкина) [16, с. 128].

При попытке объяснения семантики этого знамения исследователи в первую очередь обратились к мифологической семантике образа коня. С одной стороны, конь мыслился как священное животное, связанное с высшими богами славянского языческого пантеона. С другой стороны, в нем виделось хтоническое существо, связанное со смертью и загробным миром, проводник на «тот свет». Кроме того, конь наделялся способностью знать будущее и предвещать судьбу — прежде всего, смерть [12, с. 228 — 229; 16, с. 128].

Сочетание этих и некоторых других смыслов, рассматриваемых в функциональном контексте знамений как таковых, позволяет воссоздать общую семантику отмеченного видения. Поскольку знамение — это всегда предупреждение о грядущем значительном событии, как правило, негативного характера, должно произойти что-то значительное и негативное. Два коня друг против друга наглядно представляют идею противостояния двух сил. Таким путем задается мысль о войне, которая активно поддерживается связью коней с семантикой смерти. Наконец, активная, боевая поза коней и их принадлежность области «своих» божеств связываются с мыслью об их превосходстве по отношению ко всяким «чужим».

Подобный символично-мифологический метод реконструкции содержания знамений не является единственным. В иных условиях может оказаться актуальной метафорическая и прагматическая интерпретация образов.

(3) Например, в Крупском районе Могилевской области накануне Великой Отечественной войны (вариант: в первые дни войны) подростки в ночном видели при заходе солнца как бы поднимающиеся от земли образы солдат с ружьями за плечами, которые уходили на небо [16, с. 128].

В данном случае принципиально значима оппозиция «земля — небо», которая практически прямо указывает на реальность в знамении двух миров — земного и небесного, райского. В соответствии с этим движение солдат на небо должно пониматься как переход с земли в рай. А сам этот переход осуществляется в результате массовой гибели солдат².

Отмеченные подходы к интерпретации семантики знамений обоснованы существующей языковой теорией, но вместе с тем и ограничены ею. Объяснительная сила этих подходов ограничивается семантикой знамений, но не распространяется на их глубинную когнитивную природу. Вопрос о реальном синхронистическом единстве их означающего и означаемого остается закрытым.

3.2. Анализ знамений в аспекте феномена синхронистичности

Более продуктивна в этом отношении апелляция к образным началам знамений с обязательным последующим поиском оснований синхронистического единства их означающего и означаемого. С этих по-

² Мотив перехода погибших на войне солдат на небеса прослеживается в известном стихотворении Р. Гамзатова «Журавли». Однако в нем данный мотив, с одной стороны, приближается к реальности, а с другой — наполняется сложной символикой. Так, признание лирического героя «Мне кажется, порою...» выводит все последующие образы на уровень его субъективных, но реальных, близких к жизни представлений. Вместе с тем и сами журавли с их печальным курлыканьем, и их цвет, и небо могут рассматриваться как символы чистоты, возвышенности и некой святости, которая изливается на всех живущих на земле.

зиций проясняются и глубинные, доконцептуальные познавательные механизмы знамений, и важные механизмы их осмысления человеком на уровне концептуального освоения действительности.

Весьма показательны в этом отношении следующие события, предвещающие скорую войну: *необычайно богатые урожаи злаков и обильные травы; колодцы, расположенные возле домов, пауки затягивают паутиной* [1].

В первом примере план выражения составляет событие «обильные, но неубранные урожаи». Так было, например, в 1941 г., накануне войны, о чем вспоминали очевидцы: «Лето 1941 года было исключительно урожайным. Удались озимые и яровые, трава стояла по грудь. Но тревога в народе уже жила» [1]. Непосредственный план содержания этого знамения таков же — собственно «обилие урожая». Однако обыденное сознание народа требовало дополнительного объяснения смысла этого обилия на логическом уровне. И оно давалось, порой облекаясь в фольклорные формы быличек. Ср.:

(4) — И вот одна женщина рассказывает такую быль, небылицу. Милые мои, дорога узкая полевая, рожь высокая-высокая стеной стоит. Машина ехала. Машин тогда было мало. И вдруг колеса крутятся, машина стоит. Выходит женщина в костюме Евы.

— Откуда выходит?

— Из ржи, из посевов. И обращается к этим, кто был в машине.

— А там много было в машине человек?

— А бог знает! Трудно сказать. Машин мало ведь до войны было. В нашем колхозе была одна машина. Так вот. И держит три колоса: колос ржи, колос пшеницы и колос ячменя. Тучные колосья. Зерна налитые. И говорит: «Не спеши! Вот видишь, какой урожай. А убирать некому будет. Некогда будет. Будет война» [1].

Данный текст раскрывает логику семантических сдвигов в означаемом приведенного знамения. Они определяются как вся совокупность метонимий, связанных причинно-следственными отношениями: «обилие» ← «некому убирать» ← «все мужчины ушли на фронт» ← «война» (здесь каждая последующая ситуация составляет причинное обоснование предыдущей, а знак «←» эквивалентен союзу *потому что*). Эта комплексная метонимия в целом и составляет план содержания приведенного знамения, но уже на уровне логического осмысления человеком действительности.

Необъясненным в этом знамении остается лишь темпоральная связь между его планом выражения и планом содержания — она концептуально определяется как «в скором времени».

Второй пример аналогичен первому. В нем план выражения также иконически представляет план его содержания: «колодцы с водой оказываются затянутыми паутиной». Однако логическое мышление носителей русской лингвокультурной традиции пошло дальше и логически корректно объяснило, почему так произошло, — «потому что никто не берет воду из колодцев». Далее осуществился еще один метонимический сдвиг в сфере причинно-следственных отношений и определяется общая причина всех этих событий: «воду из колодца брать просто не-

кому, все мертвы». И последний шаг подобных объяснений – обоснование всех этих событийных позиций: «война или мор». Схематически эта последовательность ситуативных обоснований данного знамения представляется так: «колодцы с водой оказываются затянутыми паутиной» ← «никто не берет воду из колодцев» ← «воду из колодца брать некому» ← «война или мор».

Весь комплекс этих содержательных позиций и составляет план содержания данного знамения на его понятийно-логическом уровне. Однако на образном уровне, лежащем по ту сторону языка и логического мышления человека, план его выражения и план содержания составляют акаузальное ситуативное повторение. И в этих условиях реально актуальной оказывается лишь неопределенная темпоральная дистанция между ними.

Существуют и более сложные знамения, предвещающие войну. При их анализе важную роль играет уже сопоставительный принцип, позволяющий проследить глубинные начала в соответствующих ситуациях, единые и для их плана выражения и для плана содержания.

Так, в числе событий, знаменующих приближение войны в системе русских лингвокультурных представлений, упоминается, в частности, следующее: *неожиданно, ни с того ни с сего отсыревают спички и дрова; развести огонь, затопить печи становится проблематично* [13; 14].

Как таковое это знамение свои глубинные образные начала не обнаруживает. Более того, тема сырости соединяется в нем с темой сложности разведения огня, что делает существующую картину еще более запутанной.

Однако при рассмотрении, наряду с ним, других знамений, образные начала которых, на первый взгляд, демонстрируют лишь отдаленную близость теме сырости / влажности, эту картину неожиданно показывают в ином свете. Речь идет о «плачущих иконах». Обычно это лики Божьей Матери, на которых вдруг появляются капли жидкости, похожие на слезы. В связи с этим в народе даже сложились поверья: *когда плачет Матерь Божья, она плачет обо всех нас; слезы Богородицы – к слезам народным* [13; 14].

С этих позиций можно увидеть, что общее начало знамений, принадлежащих двум указанным тематическим направлениям, составляет образ «всеобщего плача» и «глобальных слез». Это своего рода архетип, представляемый знамениями подобного рода. В отношении ликов Богородицы он осуществляется как ее слезы. В отношении знамения первого рода этот архетип событийно осуществляется как «слезы, разлитые по всей природе». Этот архетип и составляет план выражения отмеченных знамений.

Что же касается их плана содержания, то при рассмотрении сквозь призму синхронистических совпадений он на самом деле определяется как «глобальные слезы». Значение же «война» складывается на основе метонимического сдвига, обусловленного критической важностью этого события в жизни общества.

Особое место в ряду подобных событийных предвестий войны занимает следующее: *огромный урожай грибов, особенно если он наблюдается*

два года подряд. Свидетели действительно вспоминали, что два подряд грибных года «были перед нападением Германии на Советский Союз, а еще раньше — накануне русско-японской войны» [5, с. 16; 6]. Ср.:

(5) Двадцатого июня Андрей принес около 360 штук белых грибов. Когда мать увидела их, всплеснула руками, воскликнула: «К войне!» А бабушка промолвила: «Типун тебе, Катя, на язык». Но война началась» [1].

В народе об этом говорят так: «Много грибов — много гробов».

Эта формула примечательна тем, что прямо определяет семиотическую структуру данного знамения. Его планом выражения является такое событие, как огромный урожай грибов, его план содержания составляет другое событие — большое количество мертвых людей (метонимически они представляются гробами) и еще одна ступень метонимии — «война».

Между этими двумя структурными составляющими знамения, казалось бы, нет никакой семантической связи, и они не могут рассматриваться как синхронистически совпадающие. Однако если допустить, что *грибы* в этих условиях являются сложившимися на параномазийной основе *символами гробов*, картина в значительной мере проясняется [2, с. 226—229]. План выражения таких знамений и план их содержания оказываются тождественными друг другу лишь семантически.

Но здесь прослеживаются два важных обстоятельства. Во-первых, тождество события-символа в означающем и соответствующего ему реального события в означаемом лишь на глубинном уровне человеческой ментальности. Этот факт показывает, что синхронистические совпадения на самом деле осуществляются не в мире реально фиксируемых физических событий, а в мире стоящих за ними смыслов в глубинах человеческой ментальности. Очевидные события могут иметь символическую значимость и реально означать нечто отличное от себя.

Во-вторых, принципиальная ориентированность символов подобного рода на язык и существующие в нем звуковые сходства показывает, что механизмы символизации и символическое замещение содержаний пронизывают всю ментальную сферу человека. Эта символизация началом своим имеет осмысляемые на самом поверхностном уровне языковой ментальности звуковые сходства между словами и уходит в глубины заместительного символического мышления человека.

4. Заключение

Осуществленный анализ знамений о войне позволяет сделать несколько обобщающих выводов относительно глубинной познавательной природы самих таких знамений и принадлежности их феномену акаузальных семантических совпадений (синхронистичности), семиотической структуры совпадений подобного рода, ментальных механизмов, актуальных для человека при осмыслении знамений.

И прежде всего нужно отметить реальность феномена синхронистичности, рассматриваемого в связи со знамениями о войне. Знамения

о войне — это, по сути, разновидность синхронистических совпадений. Объяснимость семантических механизмов таких знамений на дискурсивном уровне делает понятными и исходные когнитивные установки подобной синхронистичности, и протекающие при ее непосредственном осуществлении когнитивные преобразования ее структурных составляющих. В отношении исходного события (означающего) это возможное символическое переосмысление, в отношении ожидаемого события знамения (означаемого) это практически обязательные метонимические сдвиги в причинно-следственных отношениях.

Что касается семиотической структуры знамений о войне, то главное, что здесь должно быть отмечено, — их иконичность. План выражения таких знамений исходно представляет и план их содержания. Однако это содержание подвергается расширению в ментальности человека по основанию причинности. В данном случае такой «предельной» причиной выступает война (в отдельных случаях — мор).

Говоря о ментальных механизмах, актуальных для человека при осмыслении знамений, необходимо отметить их различие в отношении означающего и означаемого. Событие означающего, непосредственно воспринимаемое человеком, может представлять иное, действительно актуальное для данного знамения событие символически (ср.: грибы символизируют гробы). Главное событие означаемого («война») составляет результат метонимических преобразований исходного события. Все это делает знамение о войне загадкой, которая может быть разгадана.

Работа выполнена при поддержке РФФИ — грант № 19-012-00030 «Акаузальные семантические совпадения с точки зрения когнитивной лингвистики».

Список литературы

1. Балашова А. Ф. Природные и метеорологические приметы войны // Ruthenia. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/Balashova.htm> (дата обращения: 06.02.2020).
2. Берестнев Г. И. Слово, язык и за их пределами. Калининград, 2007.
3. Берестнев Г. И., Бойко Л. Б. Лингвистические критерии разграничения примет и предписаний народной магии // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2019. № 2. С. 31–40.
4. Берестнев Г. И., Киреева Я. А. Язык и когнитивная структура профетических текстов: Античность и русское православие. Калининград, 2018.
5. Запорожец В. В. Знамения войны // Живая старина. 2005. № 2. С. 16–17.
6. Какие приметы войны были в 1941 году. Опубликованы народные приметы неминуемой войны. URL: <https://dou12.ru/kakie-primety-voiny-byli-v-1941-godu-opyublikovany-narodnye-primety/> (дата обращения: 07.02.2020).
7. Кибрик А. Е. Лингвистические предпосылки моделирования языковой деятельности // Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. М., 1987. С. 33–51.
8. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца 20 века. М., 1995. С. 144–238.

9. Мальцева Я.А. Когнитивные основания референтных сдвигов в античных оракулах // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Вып. 571. Когнитивная лингвистика: традиции и инновации в работах молодых ученых. 2009. Ч. 2. С. 262–273.

10. Мальцева Я.А. Животная символика в античных оракулах (лев, орел, лиса) // Nonmultum, sedmulta: У когнитивных истоков современной терминологии: сб. науч. тр. в честь В.Ф. Новодрановой. М., 2010. С. 527–536.

11. Словарь русского языка : в 4 т. М., 1985. Т. 1.

12. Петрухин В.Я. Конь // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995. С. 228–229.

13. Приметы, предвещающие войну. URL: <https://xn----8sbah1advcsml.xn--p1ai/%D1%87%D1%82%D0%BE-%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%B2%D0%B5%D1%89%D0%B0%D0%B5%D1%82-%D0%B2%D0%BE%D0%B9%D0%BD%D1%83/> (дата обращения: 04.02.2020).

14. Приметы, предвещающие войну или стихийные бедствия. URL: <https://s-zametki.ru/primety-predveshhayushhie-voynu-ili-stihijnye-bedstviya.html> (дата обращения: 04.02.2020).

15. Успенский Б.А. Крест и круг. Из истории христианской символики. М., 2006.

16. Фурсова Е.Ф. Чудесные явления / знамения накануне Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. №49. С. 128–131.

17. Юнг К.Г. Синхроничность. М., 1997.

Об авторах

Геннадий Иванович Берестнев – д-р филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: berest-gen@mail.ru

Алла Алексеевна Камалова – д-р филол. наук, проф., Варминско-Мазурский университет, Польша.

E-mail: aaka46@rambler.ru

The authors

Prof. Gennady I. Berestnev, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: berest-gen@mail.ru

Prof. Alla A. Kamalova, University of Warmia and Masury, Poland.

E-mail: aaka46@rambler.ru